

ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ В ПРОЕКТЕ “РОССИЯ — 2045”

© 2015

А.А. Воронин

Вечность — это не бесконечность времени, а ценность, отнесенная к человеческому бытию — к самым важным его частям, таким как любовь, преданность, забота, “воспроизводство” жизни в семье, роду, общности. Вечность чего-то в жизни — это непреходящая ценность, самое высокое, что можно себе представить.

Любовь вечна? Конечно, пока она не пройдет. Искусство вечно? Разумеется, пока не наскучит. Красота вечна? Само собой, но только в сонетах Шекспира. Вечное царство, вечная печаль или вечное шутовство — рангом пониже, но тоже вечности. Часами эти вечности не меряются. Вечность не делима на отрезки. Можно даже сказать, что времени в представлениях о вечности нет вообще. Это значит, что вечность не поддается ни счету, ни анализу, ни квантификации — о ней можно осмысленно говорить как о ценности. И то с учетом того, что вечность — ценность особого рода, она “по определению”, то есть изначально мыслится как континуум какого-то определенного смысла, душевного или ментального качества. Вечность — “множество” несчетное. Хотя в языке подсказка и иного рода — “вечность” от слова “век”, то есть предел поставлен — 100 лет, но для жизни человека этот предел почти недостижим. Иными словами, нечто принципиально непреодолимое.

Вечнозеленое растение — уже природное свойство хвойников и других растений с зелеными листьями (хвоей, мхом и т.д.). Вечны они постольку, поскольку этот вид воспроизводится. По отношению к природе вечность оказывается уже измеримой — у растения есть этапы жизненного цикла, эта вечность уже не только ценность, но некоторое описание. Ель живет 100 лет. Она не вечна, но она воспроизводит некое качество, которое мы называем “вечнозеленым”. Это качество мы ценим, и поэтому в ели видим и ценность, и вечно зеленую сущность, и природную смертность каждого конкретного дере-

**ПЕРСПЕКТИВЫ
ГУМАНИЗМА**

**Воронин
Андрей
Алексеевич** —
доктор философских
наук, ведущий науч-
ный сотрудник сек-
тора биоэтики и гу-
манитарных экспер-
тиз Института
философии РАН.
Постоянный автор
журнала. E-mail:
andreialexeevitch
2011@yandex.ru

ва. Но в принципе мы довольно легко приписываем свойство вечности природным объектам, не задумываясь о строгости смыслов. Скрытой от мысли оказывается небольшая подмена — мы перескочили из плоскости рассуждений о ценностях на плоскость рассуждений о предметах.

Вечная жизнь, или бессмертие — тоже ценность, но уже не столь абсолютная, а скорее — амбивалентная. Есть только два существа — Вечный жид и Кощей бессмертный — коих Господь наградил вечной жизнью, которая стала для одного проклятием, а другой сам стал проклятием рода человеческого.

Бессмертие, обещанное движением “Россия — 2045” [2], — это попытка представить вечность счетным множеством. Из разряда ценностей вечность переводится в разряд предметов. Из человеческой жизни вычеркивается вечность как одна из фундаментальных ценностей. Время человеческой жизни лишается осмысленности, с точки зрения вечных ориентиров. То есть субъективное время, в котором доселе проживалась жизнь человека, теряет ценностно-смысловое содержание.

Объективное время, вплетенное в пространственно-временной континуум, бесконечно долгое (вечность) и бесконечно делимое (миг) — это наши мыслительные конструкции, которые отвечают потребностям некоторого количества теорий — тоже мыслительных конвенций. Для смертного человека, тождественного миру в целом, поскольку он и есть целый мир, эти абстракции служат описанием такого же рода абстракций, из коих составлена теоретическая наука. Когда такая наука сделала предметом человеческую жизнь — в биологическом и социальном смыслах слов, — теории стали непосредственно говорить об индивидуальной жизни: абстракции стали относиться к живым, индивидуальным, неповторимым людям. И стало казаться, что абстракции описывают самого человека, а не набор теоретических конструкций, относящихся к человеку. Но эмоциональный, личностный опыт, ценностные компоненты, личные качества, моральные и эстетические структуры принципиально не могут быть предметом теорий. Творчество, страсти — любовь и ненависть, жадность и щедрость, гнев и сострадание, — все, что составляет душу и смысл жизни — это не теории. Их назвали экзистенциалами и неспроста. Бытие человека есть целостность, присутствие. Как писал М. Хайдеггер [5], человеческие качества с трудом — или вообще не — поддаются даже аналитическому расчленению. Они создаются и ценятся как раз вопреки общему, абстрактному и теоретически предсказанному. Поэтому обещания бессмертия надо рассматривать как обещания бесконечного (а не бессмертного, так как оппозиция “жизнь — смерть” просто снимается) существования и улучшения тех “объективных основ”, которые суть только предпосылки человека. Именно в сознательном замещении одного другим, бытия человека — существованием субстратной основы жизни — и состоит нынешняя — и еще од-

на — форма технократизма. Можно “вырастить эмбрион в пробирке”, но нельзя в пробирке вырастить личность.

Бессмертие, вечная жизнь после смерти — достижима (до сего времени, по крайней мере) только в культуре [4]. Труды, достижения, объективации человеческой души, гения, мастерства и т.д. — способны не просто переживать многие поколения людей, но и активно входить в жизнь поколений последующих. Это бессмертие того, что составляет сущность и смысл жизни человека. И для этого вида бессмертия люди придумали специальные формы — социальную память, искусство, города, книги, музыку, театры, и не в последнюю очередь — технику.

Бессмертие, которое видится в проекте “Россия — 2045”, — другого свойства. Если конвергенция NBIC-технологий доберется до такой степени имитации человека, что упразднит смертность, то заодно будет упразднена и вся система культурной памяти, культурной сути и смысла жизни человека как рода. Сосчитанная вечность — это бессмертие уже не как ценность, а как сумма технологических искусственных единиц, в логическом плане тождественных природным явлениям.

В человеке существует принципиальная и продуктивная двойственность. Он индивидуален и неповторим, он субъективен, личностно интимен и уникален. Он сам живет своей собственной жизнью, сам ее строит и длит по своему произволу. Он живет в своей “субъективной реальности”, как говорит и пишет Д.И. Дубровский. Это одна сторона. Другая — человек живет и в объективной реальности — и в том смысле, что он есть природное существо, подчиненное закономерностям живой природы, и самое главное — в том смысле, что он есть существо идеальное, духовное, культурное. Ему открыт мир идеальных предметов, “третий мир” по К. Попперу. Человек руководствуется двумя противоположными принципами: один — это рация, логика, другой — целеполагание, индетерминизм. Это все очень известные вещи, тривиальности, но их надо обозначить, чтобы пояснить исходные пункты аргументации. Дело в том, что снятие одной из сторон оппозиции безвозвратно и навсегда разрушает целостность человека.

Если с этим все согласны, — что маловероятно, — то и противостояние технократизма и гуманизма (условно говоря, просто для краткости этот термин употребляю как оппозицию технократизму) принимает новые конфигурации. Речь идет уже не о взаимоотношениях техники и человека, а о понимании человека как техники, как машины, рядоположенной — то есть тождественной — технической среде, второй природе, искусственному миру — много названий уже есть в классической оппозиции техники и культуры. Если понимать человека как машину — о чем все более и более внятно говорят нам науки, — то как понимать в человеке то, о чем науки не говорят, а говорят философия, искусство, гуманитарная мысль — а если хотите — то и религии?

А. Воронин
Время и вечность
в проекте
“Россия — 2045”

Техника и временные масштабы человеческого бытия

С самого своего зарождения техника меняла темпоральное бытие, а вместе с ним и сознание человека. Примитивные орудия, дававшие выигрыш в силе и вооружавшие нашего далекого предка в труде и борьбе, расширяли пространственные и энергетические ареалы использования свойств организма. Палка, дубина, копье, стрела подчиняли ближайшие пространства. Но одно из самых важных изобретений человека — горшок, емкость для хранения еды — позволило перейти от охоты и собирательства к оседлости, то есть управлять временем. Теперь от урожая до урожая можно было сохранить продукты, выжить. Парус, колесо, очаг, посуда — тоже распространяли господство человека над пространством, но уже с заметной экономией времени. Стало возможно экономить время, перемещаясь в пространстве с помощью колеса и паруса, но также и ускорять или замедлять его — правильное хранение продуктов продлевало их годность, циклы хранения урожая стали приближаться к природным циклам земледелия. Колесо экономило и силу, и время, а плуг и кирка подчинили человеку новые технологии жизни. Субстанции, которые становились предметом технического преобразования — пространство, время, энергия, — были человекоразмерны, антропны [3]. Длительность и длина были всегда длительностью чего-то определенного, и длиной чего-то определенного, соотношенного с телом. Пядь, локоть, аршин, сажень — вполне приемлемые меры длины, или измерения пространства. Потребовалось много веков, чтобы простая операция абстрагирования времени и пространства от человеческих масштабов к системам измерения перевернула отношения человека к этим свойствам — не время стало жить в человеке, а человек во времени.

Когда техника — после преобразования одного вещества в другое — принялась за преобразование энергии, эта зависимость только укрепилась. И время, и пространство стали базовыми элементами измерительных систем, можно было помыслить бесконечно большое и бесконечно малое, оперировать представлениями о кратчайших моментах и вечности. Применительно к человеку, к его организму системы объективного счета времени и пространства привели к антропометрии в криминалистике и спорту как стремлению к рекордам. Спорт высоких достижений — это первый шаг на пути подчинения тела (и не только его, но и образа жизни, сознания и мотивации) человека абсолютным мерам времени и пространства. Не важно, какой ты человек и какой ценой ты добился результата — лишь бы результат был рекордом.

В эпоху преобразования информации как предмета техники произошли кардинальные сдвиги — время стало управляемым,

его можно заставить двигаться в новых для человека режимах: сверхбыстрых и очень медленных. Возникли новые возможности управления временем, по крайней мере, восприятием времени в визуальных практиках. Техника стала отвечать потребностям экономии времени, и человеку стали доступны сверхскорости и сверхрасстояния. Но рубежным для отношений техники, человека и времени стали наши дни, когда NBIC-технологии сделали абстрактные в указанном выше смысле слова категории времени и пространства языком натуралистического описания человеческого организма. Вот здесь и возникают риски редукции человеческого к натуральному, — а за редукцией и подмены первым вторым. Абстрактное время проецируется на экзистенциальное, заменяет его, отменяет, убивает. Обещанное бессмертие достанется уже не человеку, а аватару, роботу, компьютерной модели человека — чему угодно, но только не ему самому! Из процесса становления человека вычеркнут индивидуальный опыт овладения культурой. И что остается?

Воспроизводство человеческих качеств осуществляется тем, что не так давно именовалось “социальной формой движения материи”. Во всей ее (их) сложности. Институты, которые отвечали за “позитив” (как сейчас выражаются), испокон веков соседствовали с упрямо растущими сорняками “негатива”, и этот баланс — одно из условий существования общества. Спонтанные “механизмы” воспроизводства социальных качеств индивидов — незаметные, латентные, часто теньевые — всегда были рамкой и рампой для институциональных усилий общества достичь так или иначе понятого блага. Но именно в них происходила селекция проектов блага. Не хочу развивать сейчас эту мысль и тем более отводить “негативу” исключительную роль в балансе добродетелей и пороков в обществе. Нет, моя идея иная: социальные качества воспроизводятся “сами по себе”, их невозможно локализовать, смоделировать в лаборатории или на компьютере, взять и пересадить в искусственный интеллект, аватар или робот. И становится ясно, что многих ошибочных, напрасных ожиданий можно избежать, отказавшись от романтического убеждения, что нейрофизиология изучает сознание человека. Мышление — да, сознание — нет¹.

Время как учет “переменных” и как завершенность жизненных циклов

Время, как известно, не только длительность. Темпоральность — термин, в котором фиксируются темповые, циклические свойства времени. Этапы жизненного цикла в каждой культуре (социуме) определены довольно строго и в соответствии с биосоциальным возрастом человека. При том, что границы этих этапов подвижны, они все же не просто существуют,

А. Воронин
Время и вечность
в проекте
“Россия — 2045”

¹ Подобная позиция достаточно распространена в современном интеллектуальном пространстве, в частности, в аналитической философии. Инициаторами пересмотра отношения мышления и сознания выступили физики (М. Тегмарк, Д. Хоукинс и др.). Скажем, предлагается рассматривать сознание как “нечеткое мышление”. Идею пересмотра не разделяют многие отечественные ученые. Так, К.В. Анохин, один из лидеров российской нейрофизиологии, руководитель отдела нейронаук Научно-исследовательского центра нейронаук Курчатковского института в обширном интервью, которое он дал журналу, высказал мнение, что предметом нейронаук являются сознание и память [6] (Прим. ред.).

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

а значат для человека очень многое. Когда я учился в школе, беременность десятиклассницы была скандалом, а в Азии 17-летняя невеста уже “засиделась” — там брачный возраст синхронен возрасту биологическому. Эти этапы — не только часть жизни человека, это и жизнь общества. Обычаи, традиции, ритуалы и даже институты подчинены их обособлению, поддержке и воспроизводству. Как скажется на общественном устройстве демонтаж этих социокультурных “скреп”? Ответ — очень болезненно.

Как ни странно, одна из причин такого восторженного приема проекта “Россия — 2045” кроется как раз в особенностях темпоральной ситуации в России. Много уже высказано соображений по поводу диагноза кризиса, в котором наша страна пребывает как минимум последнее десятилетие. Мой диагноз такой: распалась связь времен, если воспользоваться словами Шекспира. Разомкнулся “естественный” цикл воспроизводства основных целей и смыслов жизни, прервался перспективный ход социального развития. По аналогии с Марксовой последовательностью, описывающей целостный ход воспроизводства капитала “товар — деньги — товар+ — деньги+ ...” и обрастающей богатой инфраструктурой социального регулирования, можно сказать, что у нас в последовательности “средства — цели — средства+ — цели+...” разрыв случился перед четвертым членом. Средства — материальные, идеальные, символические, стилистические... — не влекут за собой, не предполагают “расширенного воспроизводства” полноценного мира человека. Снискание средств к жизни важнее самой жизни, как своей, так и чужой. Нет никакого автоматизма, благодаря которому богатство приносило бы счастье. Это верно как для “субъективной реальности”, то есть для отдельного индивида, так и для практически всех институтов — от образования до медицины. А ведь в Европах — Америках такой механизм отлажен благодаря многовековым традициям поддержания гармонии средств и целей. Я не хочу сказать, что автоматизм работает сам по себе и без сбоев, не хочу идеализировать картинку — я стремлюсь указать на “механизмы” социокультурной организации развивающегося общества. Если цепь разомкнута, если мы наблюдаем последовательность (опять аналогия) “деньги — товар — деньги+”, то такое устройство не несет в себе иных целей и ценностей, нежели богатство. Подчеркну — бессмысленное. Потому что в нем нет места тому, ради чего к богатству якобы стремятся. Ценность человека эквивалентна его кошельку, все как в старые “добрые” времена Голсуорси, Диккенса, Драйзера и т.д. В этом разрыве очень естественно смотрятся проекты “превращения” условий жизни в главную задачу жизни — пусть речь и не идет напрямую о капитале в прежнем смысле слова. Капитал уже натурализуется в природе человека, но это все тот же капитал, который видит смысл только в себе самом. Если органическое тело человека

сделать бессмертным, то придется позаботиться заодно и о перестройке всей человеческой культуры, основанной на череде поколений, на ценности конечной жизни, на личном опыте проживания этапов жизненного цикла, завершающимся, увы, смертью. То есть придется наладить фабричное воспроизводство социальных качеств человека — с обязательной неинституциональной, спонтанной компонентой и с новыми несущими смысловыми опорами.

А реальная картина такова, что все известные структуры воспроизводства человеческих качеств — от здравоохранения, образования, семьи до педагогики, искусства, науки, — вытаскиваются неуклюжими, некомпетентными “реформами”. У них одна задача — продлить агонию диктатуры бюрократии, любыми средствами и в самой примитивной стилистике. Самый совершенный робот с мусорным ведром вместо головы — вот что нам светит при нынешнем раскладе. А если что, кто надо ему мозги вправит. Быстренько. Кто-нибудь из “наших”. Тут и возразить нечего.

Наука теперь не только объясняет — без обещаний, как это было до конца XX века. Наука слилась с техникой, технологией и стала вместе с ними обещать дивные выигрыши за счет своих приложений. Больше того, обещания вошли в самую мотивацию науки, поскольку перед ней ставятся практические задачи. Синтез науки и технологии изменил классическое разделение труда между объяснением (наука) и обещанием (техника-технология). В эти обещания вплетены средства, используемые в технаучке: понятийный, ментальный, инструментальный, практический аппараты. И это обещания по поводу тела, организма человека. Как будто он им исчерпывается! То есть конвергенция NBIC-технологий применила к человеку нечеловеческие (в том самом смысле, в котором человеческое мы противопоставили абстрактному, измеримому, оцифрованному) меры.

Та же тенденция — управления временем — превратилась в овладение временем, но в самом абстрактном, внечеловеческом (внеантропном) смысле слова. Ремонт, улучшение, замена, и, в конце концов, — полный двойник, но уже сделанный из нестареющего материала, выполненный на другом вещественном “носителе”. Редукционизм, сводящий проблему смерти — бессмертия к физическому, телесному бытию, уже выплеснул ребенка вместе с водой из ванны. Вот еще один парадокс: тенденция улучшить человека — здоровая, позитивная, можно сказать замечательная, — в своем безоглядном развитии чревата большими потерями. Собственно, эти потери могут сказываться уже сегодня, если начнет доминировать техническое понимание человека. Преодолеть природу, обрекающую организм на смертность за счет превращения то ли в машину, то ли в Вечного жида, — исчерпывается ли этой дилеммой наше будущее?

А. Воронин
Время и вечность
в проекте
“Россия — 2045”

Где выход, и есть ли он вообще?

Усмотрение рисков не может превращаться в противодействие общей тенденции развития технонауки. Другое дело — управление, регулировка, контроль — стратегии избегания катастроф. Если становится понятным, что противопоставление человека и дел рук его, то есть техносреды, непродуктивно — значит надо искать варианты их гармонического соединения. Вместо противопоставления надо присмотреться к их единству. Если спрашивать: “Машина ли человек?”, “Что будет, если машина станет человеком?”, — мы остаемся в пределах противопоставления. А осмыслить единство человека и техники — сложнее. Сегодня малые дети осваивают гаджеты раньше родного языка, еще не умеют ходить — а уже играют с маминым телефоном. *Технику невозможно понимать вне человека*, ведь ее так называемое широкое определение — это любой алгоритм действия, в том числе и ментального. Техника речи, техника игры на инструменте, техника мышления... Техника коммуникаций развивается настолько стремительно, что она уже превосходит по нескольким параметрам природные и культурные пределы возможностей человека. Во столько же раз, во сколько экскаватор сильнее лопаты, оптика, радиосигналы, компьютеры сильнее глаза, уха и памяти. Техника уже давно влилась если не в органическое, то в социальное тело человека.

Если присмотреться к этому последнему феномену — как его оценивать, как благо или как зло? Ответ простой. Все зависит от того, во благо или во зло используются колоссальные возможности технической среды. Вот пример. В новые сферы коммуникации, которые порождаются компьютерной техникой, вписано слишком мало человеческой, то есть высокой культуры — она не попадает туда, куда проникают кровавые игрушки, — стрелялки, пулялки, насилие и т.п. Низкая, пошлая, агрессивная, глупая игровая среда ничего не скажет ребенку о достоинстве, чести, предупредительности — и родители тоже ничего об этом не слышали.

И речь идет не просто о манерах. Дело гораздо серьезнее — в ценностях, в стилистике мышления. Вот где проблемы: самая совершенная техносреда воспроизводит самые варварские ценностные, нормативные и экзистенциальные установки. Понятно, что если коммуникации — большой бизнес, то туда идет не хорошее, а выгодное. Так что благо одних оборачивается злом для других.

И если мы видим эту амбивалентность в социальном теле человека, легко себе представить, чем она может обернуться применительно к телу организмическому. Если бессмертием, улучшением, ремонтом будет выгодно торговать, получать барыши и другие социальные преференции, и это все будет в руках таких же безответственных коммерсантов, что и владельцы массмедиа, то можно сказать, хорошего не жди. Так что делать?

Ну, конечно, интересы барыша и выгоды должны быть надежно блокированы социальными институтами, имеющими четко определенные функции, — а стало быть, под разработанные цели должна быть подложена надежная знаниевая основа. Речь идет о гуманитарной экспертизе — институционализированной сфере принятия решений по стратегическим проблемам эволюции человечества [1].

Разумеется, мало перестроить мышление о технике в сторону ее гуманизации таким образом, чтобы снять ментальную противопоставленность человека и технической среды. Главное дело — гуманизировать саму эту среду за счет вдумчивого и ответственного проектирования, изготовления и эксплуатации техники. Вместо того чтобы пугать публику бесчеловеческим характером техники, надо видеть, что в нем лишь проступает бесчеловечность самого человека.

Так от кого же исходит опасность? И где гарантии, что проблема просто плавно не сместится с одного фетиша современности на другой, маячащий в тумане завтрашнего дня?

Литература

1. Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7. М.: ИФ РАН, 2013. С. 87–113.
2. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / Под ред. проф. Д.И. Дубровского. М.: ООО “Издательство МБА”, 2013.
3. *Мамфорд Л.* Миф машины. Техника и развитие человечества. М., 2001.
4. *Михайлов Ф.Т.* Самоопределение культуры. Философский поиск. М.: Индрик, 2002. С. 224 и далее.
5. *Хайдеггер М.* Время и бытие. Статьи и выступления / Пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 392.
6. Лабиринты сознания, кладовые памяти // Человек. 2014. № 4. С. 136–150.

НОВЫЕ КНИГИ

- Халилов Д.* **Маркетинг в социальных сетях.** М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 240 с.
- Хюльсманн Й.Г.* **Последний рыцарь либерализма: Жизнь и идеи Людвига фон Мизеса / Пер. с англ.** М., Челябинск: Социум, 2013. 679 с.: ил.
- Шапкин А.С., Шапкин В.А.* **Теория риска и моделирование рисков ситуаций:** Учебник для бакалавров. 5-е изд. М.: Дашков и Ко, 2013. 880 с.
- Шоган В.В.* **Воспоминания о будущем: перспективы образования третьего тысячелетия:** Монография. М.: Вузов. книга, 2013. 388 с.
- Штоль Г.В.* **Древний Рим в биографиях.** М.: Ломоносовъ, 2013. 256 с.
- Эдмюллер А.* **Техника манипуляции. Распознавание и противодействие / Пер. с нем.** 7-е изд., стереотип. М.: Омега-Л, 2013. 131 с.